

Школа общины с Хулианом Карроном
Видеоконференция, Милан, 20 октября 2021 г.

Тексты: Х. Каррон, Л. Джуссани. «У вас нет недостатка ни в каком благодатном даре». День начала года «Общения и освобождения»; Х. Каррон. Есть ли надежда. Увлекательное открытие. Гл. 5–6.

- *L'iniziativa*
- *La prima vez*

Слава...

Добрый вечер! Добро пожаловать на первую встречу школы общины, открывающую новый год после Дня начала.

Прежде всего сердечно благодарю тех, кто в этот период молился обо мне, как я просил на Дне начала года. Операция прошла хорошо, хирург был очень доволен результатом. В следующие месяцы мне предстоят контрольные обследования и необходимое лечение. Еще раз спасибо всем!

В любой жизненной ситуации у нас есть возможность распознать, что позволяет нам жить. Вчера я говорил с одной подругой, и она рассказала, что и такие замечательные вещи, как научное исследование, в котором она участвует, могут наскучить и утратить для нас интерес. Она поняла это, потому что в процессе работы заметила, как ждет только, когда наступит перерыв на кофе, и жалуется всякий раз, если кто-то спрашивает, как дела. Почему так случается, даже если мы занимаемся любимым делом? В диалоге с ней я вспомнил, что отец Джуссани связывает отсутствие интереса, усталость или жалобы с «нехваткой метода». Из-за нее «корень, от которого все происходит, исток энергии и ума, воспринимается как нечто самоочевидное, мы больше не подпитываем его, не заботимся о нем, не поддерживаем его нашим вниманием и нашей волей, и в результате он постепенно исчезает, становится абстрактным». Он завершает свою мысль так: «Не дай бог нам в христианской жизни считать самоочевидным то, что является ее непрерывным началом (*Fraternità di Comunione e Liberazione. Documentazione audiovisiva. Giornata d'inizio anno di CL. Milano, 14 settembre 1975*). Когда мы забываем об истоке, из которого проистекает все, что делает жизнь инаковой, начинаются проблемы!

Каким образом мы в повседневности можем помогать друг другу не считать начало самоочевидным? Как ни парадоксально, иногда мы возвращаемся к такому сознанию, когда события сбивают нас с толку. Одна из вас пишет мне: «На встречу, организованную приходом в начале катехитического года, не пришел ни один ребенок или родитель, никто даже не предупредил о своем отсутствии. И нельзя сказать, что в нашем городе нет детей. На тихой площади перед церковью настоятель и мы, трое катехизаторов, стояли и смотрели друг на друга, а точнее, они смотрели в землю, а я – на их лица, мрачные и безмолвные. [Это пример того, что мы говорили на Дне начала года о секуляризации: пустыня расширяется.] Однако огорчение на молчаливом лице настоятеля, к которому я очень привязана уже много лет, ничуть не пошатнуло мою надежду. Я удивилась: что во мне меняет мое суждение о вещах, когда все указывает на печаль и уныние? Что во мне побеждает окружающие нас отчаяние и одиночество? Отец Джуссани говорил, что, „когда кризис достигает высшей точки, это, как ни парадоксально, величайший момент надежды“ (L. Giussani, G. Testori. *Il senso della nascita*. Milano: BUR, 2013. P. 154). Какое счастье, что я могу читать это свидетельство, какой глоток воздуха, как я благодарно, что моя бедная личность причастна к нему всем моим сознанием, со всей моей хрупкостью, с моими слабостями. Как же интересно переживать христианство так и желать жить им на таком уровне сознания – не меньше, будучи распахнутыми перед

миром, сильными, уверенными, наполненными Его присутствием, которое стремится обнять всех, достичь всех там, где они находятся».

Христианство и дальше будет интересным для каждого из нас, только если мы переживаем его на этом уровне сознания, будучи уверенными, наполненными Его присутствием, то есть если мы не считаем само собой разумеющимся «непрерывное начало».

Меня очень впечатлили две выставки на Митинге (о сериалах и «Жить без страха в эпоху неуверенности»), и в школе я решил со всеми моими классами начать именно оттуда, с пустоты и неуверенности, которые я переживаю на этом новом этапе моей жизни. Я оттолкнулся от ран, которые пережил и переживаю, ран, нанесенных реальностью, часто не соответствующей моим желаниям, а также недостатками моего характера. Меня удивило то, что произошло. Одна девочка во время урока сказала: «Я не хотела вступать в жизнь, во всем виноваты мои родители» (прямо как один из персонажей сериалов). Другая обвинила меня в том, что я «злой», поскольку она и так уже каждый вечер перед сном думала о пустоте, и ей было невыносимо говорить о ней еще и в классе с преподавателем: от этого ей становилось только хуже. Третья ученица призналась, что после того, как на несколько часов перестали работать Инстаграм и Ватсап, она почувствовала себя потерянной и не знала, как отвлечься. Я спросил у всех, от чего им надо отвлечься, и многие ответили: «От жизни, от реальности». Все становится возможностью идти до сути того, что ты говорил нам о ранах, все становится возможностью встречи. Но еще больше меня поразило другое. В конце урока я с удивлением заметил, что произошедшее не принадлежало мне, было плодом не моих усилий, часто неадекватных и неуклюжих, а Присутствия и принадлежности, которые во многих ребятах пробудили любопытство и желание на перемене или в конце занятия поделиться чем-то, задать вопросы: «Почему так трудно просыпаться по утрам, зная, что день пройдет ужасно?»; «Все то время, которое я трачу сейчас за партией, пригодится когда-нибудь в будущем?»; «Почему каждый день я чувствую, что я всем в тягость?»; «Я больше не хожу в церковь, потому что злюсь на Бога, ведь Он не сделал ничего для близкого мне человека, умершего от болезни Альцгеймера. Но мне хотелось бы поговорить об этом с вами». Что-то прояснилось для меня, когда ты процитировал слова отца Джуссани: «Сегодня мир вернулся к евангельской нищете. Во времена Иисуса главный вопрос заключался в том, как жить, а не кто прав». Это начало стало для меня исключительным, прежде всего потому, что оно позволило мне осознать, какой дар я получил от опыта, пережитого за тридцать лет в Движении. «У вас нет недостатка ни в каком благодатном даре». Глядя на мое прошлое и особенно на мое настоящее, я могу с полной уверенностью утверждать, что эта фраза для меня верна, как говорил ты: «Ничто не ставит под вопрос бесконечную уверенность в благодати, которая дается нам снова и снова каждое утро», – хотя каждый день охвачен пустотой и ранами. Более того, благодать дается нам именно через пустоту и через раны. Нет ничего более очевидного, чем факт, что все в моей жизни порождено встречей с харизмой отца Джуссани. Спасибо за совместный путь.

Для меня поразительно признавать и буквально осязать в вашем опыте слова отца Джуссани о «нехватке метода», которые я цитировал в начале, рассказывая о подружке-исследовательнице. Как говоришь ты, отдавать себе отчет в полученном даре, не воспринимать его как должное, – вот что делает начало исключительным. Мы не зависим от результата, от ситуации, в которой находятся ребята, от их реакций или наших усилий. Нас определяет исключительно начало, которое присутствует в настоящем и которое мы сознаем благодаря обстоятельствам нашей жизни, в том числе и тем, что описал ты. Именно так рождается что-либо новое: когда мы не воспринимаем это начало как должное. Если бы ты не столкнулся с ребятами, то мог бы и дальше считать само собой разумеющейся данную тебе благодать. В силу отношения, порой даже полемического, с твоими учениками ты

с благодарностью признал важность этой благодати. Этот опыт помог тебе уловить всю экзистенциальную истинность фразы Джуссани: «Ничто не ставит под вопрос бесконечную уверенность в благодати, которая дается нам снова и снова каждое утро». Каждое утро нет для нас ничего более насущного. Осознание благодати позволяет нам просыпаться по утрам иначе, чем другие (именно это хотят видеть на наших лицах ребята), и вот так – проживая ее, неся ее запечатленной на лице, – предлагать другим благодать, отличающую нас от остальных. «Нет ничего более очевидного, чем факт, что все в моей жизни порождено встречей с харизмой отца Джуссани».

Поэтому-то многие из вас восприняли вопрос Чарльза Тейлора, прозвучавший на Дне начала года, как дар. В том числе и в Великобритании, не так ли?

Да, здесь тоже, и это невероятно! Я очень удивилась и растрогалась, когда поняла, что первое чудо, которое нельзя воспринимать как нечто самоочевидное, – тот факт, что я здесь сегодня, что я не оставила эту историю (несмотря на часто переживаемые раздоры, на боль и непонимание, связанные с тем, что все мы остаемся людьми, полными недостатков). Еще больше меня взволновала процитированная тобой фраза Чарльза Тейлора, которая начала становиться моей. В последнюю неделю она превратилась в неотвязную мысль, непрерывно звучащую во всех повседневных делах, в обычной жизни (когда я отвожу сына в садик, меняю подгузники другому и кормлю его, готовлю, убираю, делаю покупки, говорю с соседкой, смотрю на мужа и на его стресс от работы, когда я пытаюсь понять, что делать по окончании декретного отпуска). Почему я осталась? Почему я остаюсь? Почему поздно вечером в понедельник я сажусь за руль и еду на школу общины в Лондон, где со многими людьми у меня, возможно, нет близких отношений? Почему я хожу на мессу в приход, где, учитывая, что мы переехали всего за шесть месяцев до пандемии, я еще никого не знаю, кроме бывшего настоятеля, которого только что послали за границу? Я поняла не все из сказанного на Дне начала года, как я не все понимаю на школе общины (и хочется добавить: слава богу!), но вслед за Петром повторяю: «Господи, куда нам идти? Лишь у тебя глаголы вечной жизни». Для меня ясны соответствие того, что я вижу и слышу, и полнота жизни, которую я не могу отрицать. И хотя я продолжаю ошибаться и забывать об этом тысячу раз, я могу утверждать, что эта встреча и эта история сформировали меня, и я благодарна за возможность следовать, уверена, что следование целесообразно. Именно такая очевидность, внушительно предстающая передо мной, позволяет мне вновь начинать после полутора лет карантина в стране, которую по многим причинам я еще не знаю, и чувствовать себя как дома. Это дает надежду на будущее. Еще раз благодарю тебя за дружбу и отцовство.

Присмотримся внимательней к тому, что происходит в жизни, как учил отец Джуссани. Каким образом мы преодолеваем нехватку метода, из-за которой начало воспринимается как нечто самоочевидное? Ты сказала: «Неотвязная мысль непрерывно звучит во всех повседневных делах: почему я осталась?» – повторив тем самым вопрос Тейлора. И с удивлением ты заметила (смотрите, как мы доходим до понимания важности фразы Джуссани): «Первое чудо, которое нельзя воспринимать как нечто самоочевидное, – тот факт, что я здесь сегодня, что я не оставила эту историю»; «для меня ясны соответствие того, что я вижу и слышу, и полнота жизни»; «я могу утверждать, что эта встреча и эта история сформировали меня»; «такая очевидность внушительно предстает передо мной». Если очевидность не становится убедительным фактом существования, верх берет все остальное: усталость, трудности, повседневные неприятности.

Если мое настоящее определяется не этой очевидностью (и не потому, что я ее отрицаю, а потому, что считаю ее само собой разумеющейся), чем же тогда оно определяется?

Меня очень поразила вопрос Тейлора о том, что произошло в Квебеке в шестидесятые годы. Он с особой силой поднялся во мне в начале учебного года, поскольку самой частой мыслью была следующая: «Я по-прежнему здесь, в школе, по-прежнему преподаю» (уверяю тебя, у нас, преподавателей, она возникает очень часто). Нас охватывала и охватывает усталость, нежелание вовлекаться и – часто – искушение уйти: не из школы (школа дает зарплату), а от вовлечения, от того, чтобы задействовать собственную человечность. Однако Господь не оставляет меня в этом нежелании. Вот что случилось с одним моим учеником, совершенно не успевающим по математике. Обычно, когда ученики демонстрируют слабые результаты, я стараюсь быть достаточно резким, но однажды я сказал ему: «Послушай, математика важна, но это не главное в жизни». На следующий день он остановил меня в коридоре и вручил маленький подарок со словами: «На прошлом уроке вы об этом говорили, и мне показалось, что вам приятно было бы это иметь, так что я разыскал это и хочу вам подарить». Я удивился и спросил: «Как же ты понял, что мне было бы приятно?» Он ответил: «Знаете, я еще не понимаю то, чему вы меня учите, но я вас слушаю, как вы в тот раз выслушали меня». Возвращаясь домой, я размышлял о смысле произошедшего, и мне вспомнились твои слова о важных людях. Я подумал, что этот мальчик побудил меня при всех моих недостатках благодарить Господа за мою работу. Это маленькое происшествие позволяет мне каждый день возвращаться в класс, задействуя всего себя, с моими недостатками и ограничениями, ведь если бы я не слушал того мальчика всем моим существом, всей моей нищей человечностью, вероятно, моим единственным желанием было бы уйти, как случилось со многими людьми в Квебеке. Я вспомнил слова отца Джуссани, которые ты дал нам переслушать: «Когда мы встаем по утрам... чего мы желаем? Нам нужно потрудиться (чистая правда), чтобы пробиться сквозь нагромождение желаний, инстинктивно возникающих в нашем мозгу, в нашем сознании, в нашей душе, мы должны противостоять им и преодолевать это нагромождение, чтобы идти до сути всего, до желания помнить о Нем!» Спасибо тебе за все.

Несмотря на все случившееся с нами, можно начать работать, видя, как на первый план выходят «усталость, нежелание вовлекаться и – часто – искушение уйти: не из школы (она дает зарплату), а от вовлечения, от того, чтобы задействовать свою человечность». Как же был прав отец Джуссани, когда говорил, что единственная цель Движения – в том, чтобы «ставить на кон нас самих», то есть задействовать «я»! Не двигаясь, мы перестаем быть ответственными по отношению к собственной человечности. И тогда Тайна может воспользоваться кем угодно (порой самым неожиданным человеком – учеником, неуспевающим по математике, но честным в отношении присутствия, находящегося перед ним), чтобы призвать нас, пробудить в нас самосознание, требующееся нам для жизни. Каким острым умом обладает тот мальчик! «Я еще не понимаю то, чему вы меня учите, но я вас слушаю, как вы в тот раз выслушали меня». Его слова позволяют тебе возвращаться домой, благодаря Господа за встречу с ним. Именно так (если только мы внимательны) мы пробуждаемся и ничего не считаем самоочевидным: «Это маленькое происшествие позволяет мне каждый день возвращаться в класс, задействуя всего себя», всю свою человечность. Отсюда возникает и шанс для твоих студентов. Самое страшное для них – если ты перестанешь задействовать твою человечность. Когда же ты серьезен по отношению к ней, даже ученик с проблемами в математике, может начать пробуждаться. Как знать, какие открытия еще ждут тебя с этим мальчиком, «я» которого, пришло в движение!

Хочу рассказать тебе о маленьком эпизоде, который со мной произошел. Уложив детей спать, в редкий момент серьезного отношения к жизни мы с мужем, вместо того чтобы удобно устроиться перед телевизором, решили прочитать текст Дня начала года. Начав читать вслух короткое введение и первый пункт, я расстрогалась. Мне казалось, что текст описывал меня в то самое мгновение. В последнее время по утрам, отведя детей в школу

и вернувшись домой, я всегда с удивлением замечала в себе огромную тоску, часто превращающуюся в беспокойство, которое я связывала с непонятной ситуацией на работе. Я проводила день в попытках заниматься полезными делами (в том числе и для моего будущего), но чувство пустоты охватывало меня. В тот вечер муж вернулся домой, и, как обычно, мы приготовили ужин и уложили детей спать. До сих пор ничего сногшибательного. Но все-таки что-то произошло. Когда я читала первый пункт, мне вспомнились все маленькие знаки внимания и доброты со стороны моего мужа в тот вечер, знаки, исполненные уважения и любви и не зависящие от того, что я делаю или не делаю для семьи, от того, что у меня получается или не получается на работе. Знаки, просто говорившие мне: «Я рад тебя видеть и хочу сейчас быть с тобой». Эти знаки были и накануне, но не сдвинули меня с мертвой точки: я воспринимала их как должное, сама того не замечая. Я смогла увидеть благодать, которая была и есть, только в момент, когда решила не считать само собой разумеющейся мою принадлежность к Церкви и к Движению и прочитать текст упражнений, выйдя таким образом из зоны комфорта – не мысленной, а реальной, на диване перед телевизором! Когда замечаешь, что благодать есть, что она была и тогда, когда ты ее не видела, печаль (это чистая правда!) становится дружественной. Она помогает мне понять, что единственное, в чем я нуждаюсь, – эта благодать, эта ласка. Ласка, придающая смысл моему существованию: есть Тот, Кто пожелал, чтобы я была здесь и сейчас. Моя жизнь во всех ее мельчайших проявлениях драгоценна для Него. Я есть, я существую, благодаря Богу. Еще раз спасибо и хорошей работы.

Без мгновения редкой сознательности и серьезности в отношении твоей человечности все, что ты открыла, прошло бы незамеченным. Ты дала место всему, что мы сказали на Дне начала года, и это позволило тебе увидеть знаки внимания и доброты со стороны мужа, ощутить себя любимой («Я рад тебя видеть и хочу сейчас быть с тобой»). Именно в этом мы нуждаемся: «Я смогла увидеть благодать, которая была и есть, только в момент, когда решила не считать само собой разумеющейся мою принадлежность к Церкви и к Движению». Насколько же важно это открытие!

Как такой опыт помогает понять другую часть текста школы общины – фразу Д’Аннунцио и особенно комментарий к ней отца Джуссани, который «сотряс» наш менталитет?

В эти дни я читал и перечитывал выступление отца Джуссани, которые ты предложил нам на Дне начала года. Я хочу все больше понимать то, о чем он нам сказал, а потому у меня к тебе несколько вопросов. Например, мне хотелось бы лучше разобраться с обозначенным, как мне кажется, переходом от любви к другому с маленьком буквы к любви к Другому с большой. Есть ли этот переход, и, если есть, связаны ли эти, скажем так, формы любви? Происходят ли они одновременно? Сразу после есть еще одна мысль, которую мне трудно понять, она касается фразы Д’Аннунцио («У меня есть то, что я даровал»). Когда я услышал эту фразу, инстинктивно, независимо от личности Д’Аннунцио, я воспринял ее как то, что мог бы разделить, и подумал, что Джуссани цитирует ее в позитивном ключе. Она выражает дар самого себя, и, если я не даю, не дарую, у меня ничего нет, я ничем не обладаю. Своего рода гимн великодушию, удар по эгоизму. Суровая критика этих слов сбила меня с толку и опечалила. Я подумал, что, должно быть, еще очень далек от того, как судит о вещах отец Джуссани. У меня сложилось впечатление, что он критикует волюнтаризм, стоящий за фразой Д’Аннунцио, в котором все сосредоточено на способностях человека и на усилении его воли. Поэтому хотел попросить тебя прояснить этот вопрос. Мне вспоминаются фразы из «Возвещения Марии», которые мы часто цитируем и в которых персонажи Клоделя говорят: «Разве назначение жизни — жить? <...> Не жить, но умереть!.. и отдать все, что у нас есть, — отдать улыбаясь!»; «Чего стоит мир в сравнении с жизнью? И чего стоит жизнь, если ее не отдать?» Чем отличается «отдать» в приведенных словах и «отдать», как говорит о нем Д’Аннунцио?

Спасибо тебе, потому что ты помогаешь нам увидеть, в чем заключается работа на школе общины, к которой мы призваны: в том, чтобы сравнивать наши мысли с тем, что нам предлагается. Тебе слова Д'Аннунцио показались правильными, и тебя удивила резкая критика отца Джуссани. Люди, выступавшие до сих пор, свидетельствовали о том, насколько верны слова последнего: «„У меня есть, – говорил Д'Аннунцио, – то, что я даровал“. Нет большего заблуждения, а значит и более надменной лжи». Почему? Потому, что, заявляя это, я по умолчанию считаю, что у меня есть энергия, силы, чтобы действовать самостоятельно. Правильная фраза, утверждает Джуссани, звучит следующим образом: «У меня есть то, что я был дан!» Первая активность, как мы всегда повторяли, ссылаясь на десятую главу «Религиозного чувства», есть пассивность, принятие. Отец Джуссани утверждает это, говоря о любви: первая инициатива – дар Бога. «Любовью вечной Я возлюбил тебя, сжалившись над твоим ничтожеством» (Ср. *Иер.* 31:3). Поэтому «у меня есть, я есть, я состою из того, я обладаю тем, что я был дарован!» Сам по себе я ничто. Первым делом нужно понять: все, что я из себя представляю, мне дано.

В чем же ошибка Д'Аннунцио, которая часто является и нашей ошибкой? Считать само собой разумеющимся начало. «Мы не способны, – говорит отец Джуссани, – любить [то есть давать], быть друзьями, если не признаем, что нас возлюбили». Вот великая новизна, которую принес Иисус: «Не вы Меня возлюбили, но Я первым возлюбил вас» (Ср. *1 Ин.* 4:19). Такое предшествование имеет место всегда, не только в начале. Поэтому, продолжает отец Джуссани, «быть желанным, существовать – значит быть желанным постоянно: желанным, а следовательно, любимым или... в каждое мгновение призываемым из небытия. Мое „я“ зиждется на том, что Ты желаешь меня, о Боже». Чем больше мы сознаем это, тем способнее будем давать. Мы можем давать потому, что непрестанно получаем. Если это не ясно, мы долго не продержимся и впадем в зависимость от взаимности, от того, что другие дают нам взамен. Не исходя из получаемой, вновь и вновь даруемой Христом благодати, мы, чтобы и дальше любить, будем ждать ответа от другого человека и рано или поздно устанем и перестанем «давать». Тогда-то проявится вся ложность фразы Д'Аннунцио.

Поэтому так интересно помогать друг другу понимать, о чем говорит отец Джуссани, когда подчеркивает, как важно возрастать в самосознании, и признавать: мое я зиждется на том, «что Ты желаешь меня, о Боже». Самосознание заключается в этом. Оно совсем не самоочевидно, и мы часто забываем об этом и, подобно Д'Аннунцио, изначально опираемся на собственные усилия, сами того не понимая, думая, будто все исходит от нас.

Вот почему мы должны непременно на основании опыта выявлять то, что всякий раз пробуждает в нас такую сознательность, как пишет наш друг: «Когда я перечитывал текст Дня начала года, меня поразил один момент и я стал над ним работать. Что из того, что у меня есть, важнее всего? Компания, женщины, деньги, закат, карьера, все меня окружающее? Что из этого важнее всего? Самосознание, понимание того, кто я, какова моя задача в мире, моя цель – вот что важнее всего, и нет ничего другого. Если у меня нет этого, я не знаю, ради чего живу. Но в одиночку я не могу поддерживать такое самосознание, особенно в последний период. Со временем я отвлекаюсь и забываю [вот в чем проблема: начало, цель исчезают из нашего сознания из-за забывчивости, из-за того, что мы отвлекаемся]. Поэтому Иисус сотворил историю, компанию, ведомую к судьбе. И я, пребывая в ней, ища, следуя за сердцем, могу все больше входить в плоть каждого дня, неся такую новизну», без которой жизнь утрачивает свежесть. У Д'Аннунцио не было такого самосознания, а у тебя оно есть: «В одиночку я не могу».

Мы тоже порой думаем, как Д'Аннунцио, если никто нам не помогает.

Ситуация с декретом, касающимся Братства и особенно Memores Domini, стала для меня серьезным вызовом, и у меня возник вопрос: как я переживала и переживаю харизму в моей повседневности? Я вновь открыла для себя реальную ответственность за харизму, глубокую

благодарность Тому, Кто взял меня в удел в рамках частной истории. И я убедилась, что сложившиеся обстоятельства – конкретный способ, с помощью которого Христос еще раз выходит мне навстречу и говорит: «Любишь ли ты Меня?» В пятницу вечером меня пригласила на ужин молодая коллега, с которой зародились отношения, полные взаимного уважения. Недавно она написала мне такое сообщение: «Я вижу вас как сейчас... пролетарское лицо, отмеченное страданием и все же бесконечно нежное. Одна из тех благотворных людей, которых встречаешь случайно, и у тебя возникает желание обнять их, потому что они улыбаются тебе из глубины своего человеческого опыта и внезапно излечивают тебя от другой половины мира, состоящей из людей, сидящих в своей темной луже». Рассказывая ей о призвании (до тех пор я ничего не говорила об этом), я пришла в волнение, когда призналась, что единственное адекватное и истинное объяснение тому, кто я такая, инаковому взгляду, который она видит во мне, заключается в том, что Христос пожелал меня и любит меня непрестанно, в каждое мгновение, такой, какая я есть; в том, что на пути Движения я учусь все больше любить мою человечность и человечность других людей, близких или незнакомых. Она осталась без слов, а потом сказала: «Как бы то ни было, видно, что ты уравновешенная женщина». Я подумала об отце Джуссани, который на Дне начала года говорил: «Собственную идентичность любишь, любя Другого... Пусть даже никто на него не обращает внимание, но тот, кто это сознает, – человек свободный, уравновешенный, возможно смотрящий на реальность с болью во взгляде...» А еще я подумала о других словах отца Джуссани, которые ты напомнил: «По мере того, как мы взрослеем, мы становимся наглядным примером для себя и, если есть на то Божья воля, для других. Примером ограниченности и предательства, а потому и смирения, но в то же время и бесконечной уверенности в силе благодати, которая дается нам снова и снова каждое утро. Отсюда присущая нам простодушная дерзость». Желание помнить о Христе в течение дня никогда не самоочевидно, это не результат усилия воли, оно не связано с одним лишь правилом жизни: я замечаю, что оно дано, оно обновляется в каждое мгновение, и я правильно распоряжаюсь своей свободой, только если уступаю этому желанию. Спасибо за твое отцовство на этом все более притягательном пути.

«Желание помнить о Христе в течение дня никогда не самоочевидно». Вот что делает жизнь иной: не наши успехи, не события, разворачивающиеся, как мы задумали. Лишь память о Христе делает нас свободными от всего остального и уравновешенными. Но как обрести самосознание, дающее свободу нашей жизни и позволяющее нам не зависеть от крошек, падающих с чужого стола? «Единственное адекватное и истинное объяснение тому, кто я такая... заключается в том, что Христос пожелал меня и любит меня непрестанно, в каждое мгновение, такой, какая я есть». Самосознание приходит, когда мы не считаем это чем-то само собой разумеющимся, а иначе все превращается в волюнтаризм, выраженный в словах Д'Аннунцио.

В чем же мы нуждаемся, чтобы память о Христе в течение дня никогда не становилась чем-то самоочевидным? В чем смысл принадлежности к Движению, к харизме?

О том, что у меня нет недостатка ни в каком благодатном даре, я постоянно получаю напоминания: явные, непредсказуемые и неожиданные, чтобы я еще больше сознавал верного Творца. После Дня начала года два факта еще более ясно подчеркнули это. Первый: я получил сообщение от моего бывшего коллеги (я на пенсии уже десять месяцев). Он написал, что думал обо мне. Он готовит конкурс и рассказывает: «Я все время спрашивал себя, а как бы поступил ты?» И потом добавляет: «Это о многом говорит». Во фразе «это о многом говорит» заключено все признание важного, благого отношения, и поэтому я говорю: «Действительно, когда человек принадлежит, ему достаточно дышать, чтобы быть присутствием», поскольку я в течение недолгих лет нашей совместной работы не делал ничего кроме работы. Второй факт. Я узнал, что женщина, в чьем магазине мы обычно

совершаем покупки, находится в тяжелом состоянии из-за серьезной болезни, диагностированной недавно. Я тут же отправил сообщение ее дочери, работающей вместе с ней. Не прошло и минуты, как дочь мне позвонила. Она поблагодарила за сообщение и за заботу, но уточнила, что звонит главным образом потому, что с последней нашей встречи, когда про болезнь еще не было известно, мама не переставала говорить о том, как я на нее посмотрел в то утро и как поприветствовал: словно я «все видел и ушел опечаленным». Дочь рассказала это по телефону и добавила: «Я всегда замечала в вас иной, прекрасный взгляд, но чтобы до такой степени... Огромное вам спасибо». Я подумал: почему она звонит мне, хотя и не является адресатом этого взгляда? Как должен был откликнуться в дочери рассказ матери? И что же увидела мама?

Только когда мы постоянно выходим из оцепенения, из рассеянности, забывчивости, мы можем нести повсюду новизну, которая была нам дарована. И для этого нам нужно просто дышать, как ты говоришь, и смотреть на другого – в этом уже содержится все, что мы получили. Именно это стоит на кону в настоящих обстоятельствах, когда мы должны ответить на требования Церкви.

Прежде всего благодарю тебя за твое неизменное отцовское отношение к каждому из нас. События последнего времени, касающиеся Братства и Дикастерии по делам мирян, пробудили во мне вопрос о том, что значит жить опытом Движения и Братства. Я состою в Братстве больше тридцати пяти лет, и для меня это настоящая благодать Бога, Который становится присутствием каждый день. Шестнадцатого сентября на встрече с Дикастерией по делам мирян папа призвал каждого из нас: «Как члены ассоциаций... старайтесь самоотверженно переживать и делать плодоносными харизмы, которые Дух Святой через ваших основателей препоручил каждому члену ваших объединений на благо Церкви... Этот декрет побуждает нас принять некоторые изменения и подготовить будущее, исходя из настоящего». Я спросил себя, что для меня значит, что Братство приступит к внесению исправлений в устав. Вначале я думал, что это не слишком меня касается и что ты и дьякония Братства, конечно же, решите, как лучше. Однако потом я вернулся к вопросу о том, что значит харизма для каждого из нас. Как ты недавно напомнил, «каждый несет ответственность за харизму, которую встретил», и это ответственность перед всем миром. Тогда я с удивлением заметил в себе другое отношение. Каждый из нас – действующее лицо, активное «я» в Братстве. И поэтому изменение устава касается меня – и еще как! – именно в силу такого сознания, опирающегося на самосознание, к которому ты призывал нас на Дне начала года. Изменение устава затрагивает и меня, и работа, связанная с ним, станет богатством для нас и для всех. Поэтому надеюсь, предварительный вариант, который вы подготовите, будет широко распространяться по группам Братства, чтобы каждый мог внести в эту работу свой вклад.

Спасибо тебе, что ты вновь напоминаешь, насколько важно, чтобы все мы со все большей серьезностью относились к фразе отца Джуссани: «Каждый несет ответственность за харизму, с которой встретился» (Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 137). Как я уже говорил, сейчас идет работа по пересмотру устава Братства в соответствии с требованиями декрета, вошедшего в силу 11 сентября. В ближайшее время дьякония Братства обсудит первый черновой вариант, который будет представлен Дикастерии по делам мирян, семьи и жизни. Вам сообщат о содержании и первых результатах этой работы, чтобы каждый мог, как ты сказал, осуществить свою ответственность в рамках Братства. Это лишь первая фаза, где необходима наша ответственность. Когда Дикастерия одобрит все изменения устава, мы (декрет требует этого от каждого члена Братства) будем призваны к наибольшей ответственности: к тому, чтобы признать, кого Дух Святой дает нам, чтобы нас вести, согласно методу, указанному отцом Джуссани: «Учителя мы не выбираем, мы его

признаем!» – потому что учитель дан Духом. Ряд подсказок о том, как переживать такую ответственность, предложил сам Джуссани в выступлении, которое мы слушали на Дне начала года.

Когда ты, вернулся к словам отца Джуссани и сказал: «„В жизни важно распознать учителя! Учителя мы не выбираем, мы его признаем!“ Но как его признать?» – у меня возникло желание перечитать отрывок из девятой главы книги «Прочертить след в истории мира», из пункта «Харизма в действии: ответственность каждого». Ближе к концу написано: «Наша добродетель – в сравнении с изначальной харизмой через то эфемерное, кратковечное, которым пользуется Бог. <...> В настоящий момент сравнивать нужно с личностью, с которой все началось. Она может исчезнуть, но оставшиеся тексты и непрерывная – если будет на то воля Божия – череда людей, указанных нам как ориентиры, как истинное толкование случившегося, стали механизмом исправления и возрождения; они стали механизмом морали. Цепь указанных нам ориентиров – это самое живое, что есть в настоящем, ибо текст сам по себе может быть неправильно истолкован; трудно его истолковать неправильно, но такое бывает. <...> Если стремление отдать жизнь для дела Другого не указывает точный ориентир, то исчезает его историчность, пропадает его конкретность; жизнь отдается уже не для дела Другого, но для собственных толкований, собственных вкусов, собственных расчетов или собственной точки зрения» (ср. С. 139–140). Тут у меня возникает вопрос: как признание учителя может не стать результатом моих истолкований, о которых говорит отец Джуссани? Потому что мне больше соответствует взгляд на то, на что сейчас смотрит авторитет, нежели следование за собственным вдохновением, собственными симпатиями или антипатиями.

Церковь как раз призывает нас к тому, чтобы распознать ориентир, о котором говорит отец Джуссани. И метод, предложенный им, не меняется: «Учителя мы не выбираем, мы его признаем!» Нужно хорошо уяснить альтернативу: либо выбор, либо признание. Каждый либо выбирает согласно собственным мыслям, собственным истолкованиям, либо признает того, кто, как показывает опыт, помогает отвечать на нашу подлинную нужду. У нас есть это время, вплоть до выборов новых ответственных Братства (порядок которых будет определяться новым уставом, одобренным Дикастерией), чтобы учиться такому признанию там, где мы находимся. Если мы внимательны к тому, что переживаем, каждый уже сейчас может начать распознавать, кого дает нам Дух Святой.

На этой неделе на работе произошло событие, благодаря которому я лучше поняла, кто такой учитель, авторитет, и это верно не только для меня, но и для тех, с кем мы встречаемся. В понедельник утром я поздоровалась с одной коллегой и спросила, как прошли выходные. Она в слезах рассказала мне о проблемах в отношениях с близким человеком: перечислила все его недостатки, привела ряд упреков, в том числе и понятных. Я посоветовала ей поговорить с ним и искренне поделиться своим затруднением, но не упрекать во всем, что было не так, а задавать вопросы, которые выявили бы, что ему дорого («А ты счастлив? Тебе достаточно таких отношений со мной? Ты не хочешь делиться со мной тем, что с тобой происходит и не переживать в одиночестве все твои сложности и успехи?»). На следующий день она поблагодарила мне и сказала: «Ты даже не представляешь, как мне помогла. Я поговорила с ним, и он заплакал и попросил помочь ему на этом пути. Не случайно я встретила тебя именно в этот трудный момент». Меня это поражает в свете того, что я услышала на Дне начала года: «Так что же нам нужно прежде всего, чтобы признать учителя? – спрашивал ты. – Понимание природы нашей подлинной нужды, ясное самосознание...<...> Нет другого критерия». С моей коллегой случилось именно это, и то же верно и для меня, как было верно для отца Джуссани, который говорил: «Если я чего-то желаю, Бог позволяет мне этому учиться у тех, кто этим живет, кто уже этим

живет». Поэтому важно сознавать нашу подлинную нужду, ведь только так мы сможем заметить присутствие людей, настолько соответствующих нашему сердцу, что это приводит нас в трепет. Спасибо тебе за сознательные шаги, которые ты позволяешь мне совершать. Благодаря им действительно можно наслаждаться повседневностью.

Бог позволяет мне учиться тому, чего я желаю, не у тех, кого выбираю или определяю я, а у тех, кто этим уже живет. Мы должны придерживаться такого признания, чтобы не решать на основании того, что приходит нам в голову. Речь о послушании происходящему, как ты напомнила словами отца Джуссани: «Если я чего-то желаю, Бог позволяет мне этому учиться у тех, кто этим живет, кто уже этим живет». Порой это случается самым неожиданным образом.

В августе я начал аспирантуру за границей. Как-то вечером я пошел на ужин к семье из Движения, которая живет в полчасе на поезде от меня. Я никогда их раньше не видел, у нас нет ничего общего, и тем не менее в тот вечер я почувствовал себя дома. Между нами было такое, казалось бы, необоснованное единодушие, что я открылся и рассказал о моей жизни, о семье, о сомнениях в будущем, о переезде, который крайне беспокоит меня, о чем я не говорил еще даже самым близким друзьям. Возвращаясь на поезде домой, я с удивлением заметил, что благодарен за время, проведенное с ними (кажется, это нелепо), и меньше боюсь будущего, которое до этого нагоняло на меня ужас. Я спросил себя: «Что произошло сегодня вечером? Как возможно чувствовать себя самим собой с незнакомыми людьми? Откуда такое единодушие? Что изменило мою позицию? Только лишь приятный вечер в хорошей компании?» Спустя неделю на Дне начала года я нашел ответ: «„Харизма – это метод, с помощью которого Дух, сила Духа позволяет заметить очевидное, то есть истину веры и ее умение преображать“. Харизма порождает близость и «эта близость зовется „общением“. Реальность, образуемая этим живым общением, зовется „движением“». Я не смог объяснить себе этот факт никак иначе, вне веры, переживаемой в Движении. Это единственное, что у меня есть общего с семьей незнакомых мне людей. Подобный опыт делает разумной веру в Иисуса Христа, делает возможной физическую встречу с Ним, гарантирует свободу и единство, невысказанные с человеческой точки зрения, и позволяет переживать подлинный опыт мира, покоя. Позволю себе последнее размышление. Этот опыт стал также критерием, с которым я подхожу к вопросу декрета о движениях. Харизма для меня – то, что я пережил в тот вечер, ничего больше, и это возможно, поскольку Движение достигло меня (и ту семью) посредством других людей, которые мне о нем говорили. Эти другие люди следуют по пути, на который указываешь ты, и для меня нет иной дороги. Старшеклассники из Движения в шестидесятые годы признавали то, что происходило у них перед глазами и что было живо для них (это было понятно из цитат Бертацци, которые ты привел в письме по случаю его смерти). Не знаю, как все это отразится на пересмотре устава Братства, но знаю, что когда опыт веры не становится критерием для того, чтобы воспринимать призыв Церкви, мы неизбежно скатываемся в болтовню, от чего папа постоянно нас предостерегает.

Следовательно, критерий признания – это опыт веры. Я не устану повторять слова Джуссани: «Вера, которая не может быть обнаружена и обретена в опыте настоящего и подтверждена им, [например, во время ужина] которая не приносит пользы в ответе на насущные потребности, – такая вера не в силах устоять в мире, где все – все – противоречило и противоречит ей». Мы слышали об этом в сегодняшних выступлениях. Именно этот метод использует Бог: «Бога никто не видел, Его явил нам Сын»; «кто видит Меня, видит Отца».

Все мы призваны признавать это Присутствие. Но как? Кто-то из вас сказал: «Мы тоже не понимаем ничего из того, что Ты говоришь, но, если уйдем от Тебя, куда нам идти?» Не мы выбрали это Присутствие, мы обнаружили его перед нами и признали, как признали его Иоанн

и Андрей, и им не потребовалось выстраивать для этого стратегии или вести друг с другом долгие дискуссии. Почему? Потому что «две тысячи лет назад новая жизнь заключалась в том, чтобы быть в Его присутствии», которое ученики признали, а не выбрали сами. «Две тысячи лет назад новая жизнь заключалась в том, чтобы быть в Его присутствии, наступала благодаря пребыванию в Его присутствии как переворот, как обновление себя: рождалось „я“! Рождалось „я“ с его очевидным, прозрачным содержанием, с его живой силой, с его жаждой и способностью любить». Словами отца Джуссани, прозвучавшими на Дне начала, мы можем сказать, что метод сводится к этому: «Новая жизнь заключалась в том, чтобы быть в Его присутствии». Но каждый из нас может спросить: «А сегодня? Где сегодня я признаю Его присутствие? Где оно, когда храмы пустеют на наших глазах, когда никто не ходит на катехизацию, а люди оставляют Церковь?» Где же Его присутствие? Это «где» определяем не мы. Он присутствует сегодня там, где человек живет опытом новой жизни! Все просто, метод не меняется, он тот же, что был в начале для Иоанна и Андрея. Обратите внимание на уточнение отца Джуссани: речь не о кратковременной новой жизни, как для книжников, фарисеев и толпы, ходившей за Иисусом из любопытства, из интереса, чтобы увидеть чудеса и уйти восвояси. Мы говорим о новой жизни, которая все больше становится твоей, когда ты пребываешь в Его присутствии. А иначе и у нас не нашлось бы причин, чтобы остаться. Мы переживаем опыт новой жизни, если выявляем и признаем то, что жизнь дает нам. В противном случае со временем наша связь с Церковью и Движением ослабнет, и у нас не будет причин оставаться. Чтобы мы могли остаться в Церкви (то же самое верно и для Движения), сегодня, в настоящем, необходим настолько реальный убедительный опыт, что для нас не будет ничего более желанного. Не думаю, что существует более увлекательная задача в эти два года, отведенные Церковью на смену руководства Братством. От серьезности и честности, с которыми мы возьмемся за работу, от нашего вовлечения будет зависеть (обратите внимание, речь сейчас о важности этой ситуации) возможность понять, в чем мы нуждаемся, чтобы остаться в Церкви. Это может случиться во время ужина или в других ситуациях, о которых мы слышали сегодня вечером. Если мы начнем работу прямо сейчас, то, когда настанет момент для избирательного процесса, мы уже научимся распознавать присутствие людей, помогающих нам жить. Если же мы сейчас теряем время, когда нужно будет сделать выбор и проголосовать, а точнее, признать, кому нас дальше вести (о чем просит нас Церковь), нас будут определять наши реакции или истолкования, а не признание того, что дает нам жизнь там, где мы с ней встречаемся. Всем хорошей работы и хорошего пути!

Следующая школа общины состоится в среду, 17 ноября, в формате видеоконференции. В этом месяце мы продолжим работать над текстом Дня начала года и над пятой и шестой главой книги «Есть ли надежда?»

Напоминаю, что вопросы и короткие выступления можно отправлять по адресу sdccarron@comunioneliberazione.org: на иностранном языке – до вечера пятницы, на итальянском – до вечера воскресенья, предшествующего встрече. Указывайте ваш номер телефона, чтобы мы могли с вами связаться.